

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

УДК 947.06/08 (470.6)

РОССИЯ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ С ПРОСТРАНСТВАМИ ИМПЕРСКИХ ФРОНТИРОВ

Е.А. Гурова, О.Г. Каранкова

RUSSIA IN THE INTERACTION WITH EMPIRE FRONTIER AREAS

E.A. Gurova, O.G. Karankova

Аннотация. Статья раскрывает способы и формы взаимодействия между Российской империей и окраинными территориями, вовлекаемыми в её состав. Имперские власти использовали разнообразный инструментарий, при помощи которого стремились преодолевать существовавшие границы, а периферии поглощались имперским центром за счет инструментов преимущественно культурного характера. Российская империя предлагала многим этносам не только универсальный порядок большой геополитической общности, но способы преодоления каждой отдельной этнической локальности, обеспечивала в своих пределах стабильное существование и установление межрегиональных экономических и культурных связей.

Abstract. The article reveals methods and forms of interaction between the Russian Empire and the outlying districts involved in its composition. The imperial authorities used different instruments to overcome the existing frontiers; the outlying areas were absorbed by the imperial centre at the expense of instruments of cultural character. The Russian Empire offered many ethnoses not only the universal order of the large geopolitical community but also the methods of overcoming separate locality, provided the stable existence and establishment of interregional economic and cultural contacts.

Ключевые слова: Российская империя, фронт, периферия, социокультурное пространство, имперский центр, надэтничность, имперская нация.

Keywords: Russian Empire, frontier, outlying area, social and cultural territory, imperial centre, meta-ethnicity, imperial nation

Российская империя изначально в продолжение всего своего формирования строилась на полиэтнической основе. Социокультурный, этнический и географический полиморфизм был её данностью. Поэтому с самого начала империя была призвана, в том или ином случае, административными, военными или иными методами преобразовывать «стихийно сложившиеся национально-территориальные образования в единое политическое пространство» [5, с. 7].

Процесс территориального расширения российской государственности был своеобразной исторической данностью, которая длилась на протяжении

нескольких столетий. Российская имперская государственность осуществлялась на органической основе, а потому была столь устойчивой и пластичной, легко приспособлялась сама и давала встречный шанс всем и любым социокультурным и политическим субстанциям сделаться неотъемлемой частью большого геополитического пространства империи.

Для политической традиции России понятийные категории «нация» и «империя» воплощались как однородные понятия, поскольку только через и посредством имперского социокультурного и политического пространства они самоосуществлялись. Нацию (понятие политическое) следует понимать как «население страны, множество граждан государства», состоящей из множества этносов (понятие географическое), со своими социально-культурными и психологическими особенностями, которые они приобретали на той или иной территории, вырастая в том или ином вмещающем и кормящем ландшафте [7].

Российская империя никогда не была государством только русского этноса, она реализовывалась как государство русской имперской нации, в строительстве которого принимали участие в течение минимум последних 500 лет многие этнические группы. Универсальность, присущая всем имперским государствам, в России воплощалась как наднациональность, которая имела родство в её основных структурообразующих компонентах с русским этническим сознанием в силу его исторического доминирования.

Особенности российского имперского государства также определялись тем обстоятельством, что оно строилось в зоне фронтиров, на пограничье территорий и культур, которые поглощались метрополией, воспринимавшей фронтиры как собственное продолжение. По этой причине в России никогда не возникало четкой и жесткой разграничительной линии между колонией и метрополией. В России колониальность и метропольность носили временный, непродолжительный характер, до слиянности в территориальное, политическое и социокультурное единство.

Российская империя предлагала всем своим перифериям общее процветание и лучший путь к благосостоянию. Эту идею всячески пропагандировали и ретранслировали местным жителям уполномоченные на то центром представители высшей имперской администрации. Например, на Северном Кавказе Кавказский наместник князь М.С. Воронцов в одном из обращений к немирным горцам сообщал волю императора, который повелел ему «водворить мир в стране вашей, восстановить порядок и спокойствие, возвратить всем племенам Кавказским тишину и безопасность, которые одне могут обеспечить счастье и благоденствие края» [1, с. 361].

Российский имперский центр достаточно рано (для той или иной территории) начинал инвестировать в свои периферии, тем самым старался заинтересовать их в распространении и поддержании имперских порядков и имперского образа жизни [12, с. 189]. Империя гарантировала устойчивый мир и безопасность, вошедшим в её состав этносам, именно поэтому её терпели и поддерживали «покоренные» народы, несмотря на многие недостатки

и проявлявшееся иногда определенное пренебрежение к ним со стороны имперского центра [17, с. 287].

Кроме того, стремилась утвердить равную для всех территорий законность и предоставляла шансы на развитие и экономическое процветание периферий. Жившим на имперской периферии людям предоставлялись те же возможности, что и жителям имперских центров, «так что из наслаждения преимуществами не может быть исключен ни один житель империи» [12, с. 189].

Постепенно наступала экономическая взаимозависимость на всем имперском пространстве. Натуральный и замкнутый характер региональной экономики сменялись расширенным производством местных продуктов, а торговля становилась постоянной и принимала наиболее современные формы. Предоставление коллективных благ и увеличение степени экономической взаимозависимости в пространстве империи были важнейшим фактором, примирявшим периферии с их новым положением.

Очень часто имперский центр в кризисные периоды, которые переживали те или иные периферийные районы, которым прививалось сознание их неизбежного единства с империей, спасал их, предоставляя финансовую или натуральную помощь, или предлагал новый жизненный импульс, подтверждая свою в них заинтересованность. У жителей периферий в этом случае рождалось убеждение в пользе для них имперских порядков.

Несмотря на то, что политический центр (Москва или Петербург) выступал в качестве основного института политического господства, многочисленные решения, которые играли важную роль для империи, могли приниматься на её окраинах, «личностями или группами личностей, происходящими из периферии» [12, с. 59]. В России властные институты характеризовались не этническими или географическими признаками, а «особым политическим статусом или классовым характером, идентифицировались с тем или иным политическим классом... где имперская семья вместе с поземельным дворянством и бюрократией... в известном смысле являлись носителями функции метрополии» [14, с. 35; 5, с. 34]. В имперском государстве «право на власть исходит от господствующего института, а не от согласия управляемых» [5, с. 35].

В Российской империи институт господства приобретался принадлежностью к дворянскому сословию, формировавшемуся на полиэтнической основе. Господствующий класс в Российской империи строился на принципах, унаследованных ею от Византийской империи, бывшей долгое время для русских примером и образцом. По этой причине имперский господствующий класс «представлял собой открытую социальную категорию» [9, с. 191], доступ в которую не был закрыт для представителей правящих элит иноэтнического происхождения. Этот подход в формировании институтов социальной системы стал наследоваться и передаваться из поколения в поколение, сделавшись частью этносоциального кода России.

Знатность как категория, дававшая право на политическое господство, также определялась двумя тенденциями. Знатность, опиравшаяся на благородство происхождения и наследственную собственность, проявляла тенденцию к медленному «замыкаю», в то время как знатность, основанная на сопричастности к государственной власти и службе, оставалась «открытой» и давала возможность проникновения в эту среду равнозначным по маркируемому социальному статусу выходцам различного этнического происхождения, готовых и способных принять требования и функции правящего класса имперской нации на той или иной провинциальной территории.

Российская империя предлагала многим этносам не только универсальный порядок большой геополитической общности, но способы преодоления каждой отдельной этнической локальности, обеспечивала в его пределах стабильное существование и установление межрегиональных экономических и культурных связей. При этом всегда от экономической интеграции периферии выигрывали в большей степени, чем имперский центр, поскольку выводились на экономический и цивилизационный уровень центра [12, с. 196].

Имперская государственность помогала попадавшим в сферу её влияния социумам «обеспечить выход за локальные пределы, соединяя в себе Запад и Восток, Север и Юг на огромном пространстве», обеспечивая их несомненное единство «в политическом, административном, а в определенной степени – и хозяйственном планах» [5, с. 49]. По мнению Б.С. Ерасова, «именно степенью универсальности Российская империя отличалась от других подобных ей имперских образований... что делало её в самом деле продолжением и подобием первого и второго Римов, придавало ей такой огромный масштаб и длительную устойчивость...» [8, с. 48].

Имперский миропорядок предполагал социокультурное доминирование с гетерогенной ориентацией. Все и вся периферии поглощались имперским центром за счет инструментариев культурного характера. Например, после военного взятия Казани и Астрахани татарская правящая элита в большинстве своем перешла в подданство русского царя вместе с территорией, а среди имперского правящего слоя появились новые дворянские фамилии Юсуповых, Карамзиных, Аракчеевых, Токтамышевых и многие другие [16, с. 59].

Если здесь касаться Кавказа, то его представители, постепенно появлявшиеся в составе имперского дворянства, носили фамилии Урусовых, Черкасских, Багратионов, Захаровых, Лазаревых, Темирхановых, Мамсуровых и др. Всего по данным переписи 1897 г. только на Кавказе проживало 170 967 душ потомственных дворян обоего пола из 1 220 169 дворянских душ по всей России [13, с. 79].

Здесь также стоит отметить одну характерную черту: потомственных дворян больше всего находилось в тех губерниях Европейской России, где было менее всего сосредоточено русского этнического присутствия. В этой связи наиболее дворянскими в составе империи были Кавказ и Польша [13, с. 79–80].

Так как большинство потомственных дворянских званий было приобретено на государственной службе, гражданской или военной, то можно констатировать, что громадная часть этнической элиты воспользовалась этим обстоятельством, чтобы сделаться составной частью сословной системы Российского государства, более того, быть допущенной в его правящий класс.

Данная тенденция развития дворянского сословия продолжалась на протяжении весьма длительного времени, в том числе, почти всего XIX века. Это можно проследить по сведениям Центрального статистического комитета МВД, приводимым Н.А. Рубакиным и А.Е. Суриновым. Так, если в 1858 г. в европейских губерниях России насчитывалось 609 973 души потомственных дворян, то к 1897 г. Их численность увеличилась на 45 % и достигла 885 745 душ [13, с. 82]. Эта тенденция оставалась характерной и для Кавказа, поскольку именно этой части местной элиты, как наиболее обязанной имперскому государству, поскольку её политическая и личная судьба всецело была связана с империей, можно было вручить власть на данной территории, без опасения проявлений неизбежности сепаратизма.

Другой социальной группой, которой империя вручала властные полномочия, было чиновничество. «По всей Империи 1 чиновник приходился круглым числом на 150 жителей: в Европейской России на 148,5, в Польше – на 87,4, на Кавказе – на 312,2. Впрочем, если сопоставить число кавказских чиновников с числом жителей лишь мужского пола в возрасте от 16 до 69 лет, то и здесь получится почти такая же картина чиновничьего насыщения, как в Польше» [13, с. 85–86]. И если учитывать, что большинство кавказских чиновников, прибыли в край из других частей России, то и тогда местный элемент этого сословия имел тенденцию к росту, как наиболее адекватный к местным условиям и наиболее желательный для империи при определенных условиях контроля со стороны имперского центра.

Имперская культура России, будучи открытой по своей структуре (как и любая имперская культура), была способна и готова принимать и размещать в своем мире всех, кто соглашался или стремился стать её частью. В этом смысле империя – феномен культурный, а не только политический или географический. Важно, чтобы имперский социум и имперское государство умели найти адекватные условиям и социокультурным акторам средства притяжения, в какой-то мере изобрести приемлемую форму социально-политической аффилиации для формируемых имперских окраин.

Важным отличием российского имперского проекта в культурной сфере от существовавших тогда западных аналогов было почти полное отсутствие каких-либо намеков на этническое превосходство, этническую исключительность, избранность, что делало его приемлемым для всех, кто тем или иным образом сталкивался или был вынужден соотноситься с ним.

В пределах Российской империи отсутствовали обстоятельства, способные и направленные на рождение чувства всепроникающего дискриминационного презрения со стороны русских в отношении всех иных этнических

групп. Более того, представители российской элиты – дворяне, демонстрировали «страстную увлеченность завоеванным краем (в данном случае – Кавказом – Е.Г.), культурно-психологическое слияние с ним» [6, с. 35]. Эта увлеченность, например, проявлялась в обыденной жизни тем, что многие офицеры стали подражать горцам в одежде, в вооружении, в приемах верховой езды и джигитовке. Они быстро сделались естественным обычаем для воевавших на Кавказе российских дворян.

Эта открытость русских Кавказу, несмотря на существовавшие эксцессы военного времени, желание понять его индивидуальность и несходство с Русским миром, определенная романтическая симпатия к горному краю, предоставляли местным социокультурным сообществам ряд относительно малоболезненных способов пусть и подневольного вхождения в состав имперского пространства, скорее, первоначально, даже не столько вхождения, сколько осознания своего нового положения, изменившегося существования после прихода на Кавказ Российской империи.

То, что в имперской социальной среде подчеркивалась и отмечалась знатность происхождения, давность служения престолу, но не этническое происхождение, в определенной мере стало новацией для формировавшихся в рамках локальной этноцентричности кавказских элит. Вынужденные прибегать к маркерам и механизмам этнической исключительности и солидарности в условиях достаточно острой этнической, культурной и хозяйственно-земельной конкуренции в относительно ограниченном пространстве Кавказа с его большим разнообразием ландшафтных и этнокультурных доминант, уроженцы Кавказского края испытывали своеобразный социально-культурный шок, для преодоления которого большинство из них затратили продолжительные по времени усилия.

Возникшая межкультурная коммуникация в силу проявившейся большой культурной дистанции первоначально умножала переживаемое сторонами культурное потрясение. Реакцией с разных сторон были: с российской – желание присвоить и переформатировать незнакомые ей культурные смыслы в привычные образы и имена (переназывать местности и реки, преобразовывать ландшафт, вскрывать местную сакральность и насыщать её сакральностью собственной, устанавливать крепости, основывать города, продвигать культурное и религиозное миссионерство); с горской – погромы русских селений, разрушение новых коммуникаций, захват пленников, преследования и расправы над представителями собственной среды за контакты с российской стороной, жесткое военное сопротивление.

Большим препятствием для овладения имперским культурным кодом со стороны кавказских периферий был сам экстравертный по форме характер имперской культуры, размытость и неочевидность очертания её границ, тогда как всё их собственное историческое существование носило опыт интровертных форм бытия по своей фундаментальной направленности. Когда сама интровертность была способом выживания, когда всякий чужак или незнакомец

был потенциальной угрозой, когда всё, извне приходящее, могло отнять все средства к жизни как личности, как семьи, как рода и даже всего сообщества. Тому учителями были частые войны с чужеземцами, в которых Кавказ вынужден был пребывать исторически длительные периоды.

По этой причине местные жители в горах не разрабатывали путей сообщения, не строили стационарных переправ через горные реки, сохраняя их почти сакральный, скрытый (замаскированный) характер неких едва заметных троп, известных относительно небольшому числу сопричастных людей [15; 11]. По этой причине чужакам никогда не указывали путей в родные селения. По этой причине, чтобы открыть путь в горы, а соответственно, горцам путь в мир европейско-христианского урбанизированного существования, военно-рабочие команды Российской Армии прокладывали дороги в горах и рубили просеки в горных лесах [10, с. 77–82].

Все сказанное вовсе не противоречило древнему обычаю кавказского гостеприимства, носившего многогранный характер и имевшим множество социокультурных подтекстов, в том числе, помещению чужаков или мало-знакомых людей в систему социальных отношений и условий, способных обеспечить безопасность принимающей гостя стороне, оставляя его под несусыпным надзором людских глаз и повседневных установлений [3].

По этой причине добытые в горских набегах артефакты либо изначально носили избранность (приспособленность к привычным нуждам), либо требовали последующей раскодировки, если выходили за рамки устоявшегося быта, представляли для горцев некую, если так можно выразиться, культурную экзотику, т. е. то, что редко или вообще не имело хождения в горской среде.

Поэтому имперский образ жизни в данной части своего осуществления вызвал настороженность среди горских жителей, опасение потери механизмов существования, проверенных историческим опытом и закреплённых традицией. Российская имперская культурная новация потребовала определенной решимости и способности преодолевать устоявшуюся и санкционированную прежними обычаями повседневность бытия, порожденного в условиях жесткой локализации мировидения и соответствующих ему смыслов жизни.

Российская империя предлагала свой образ жизни как антитезу существовавшей в кавказской горской среде межэтнической и внутриэтнической напряженности, воплощавшейся в конфликтности многих форм коммуникативной деятельности и повседневного существования [4]. Российский образ жизни был свободен от таких обыкновений как «хищнические» набеги, рабство и пленопродавство, канлы. В этом отношении повседневное существование в рамках социокультурного пространства империи не только освобождало людей от необходимости жить постоянно настороже, но постепенно снижало потребность в милитарных навыках, способствуя развитию системы мирного бытия, возможности сосредоточения на иных, например, хозяйственных навыках и экономической предприимчивости, ведущих к семейному благосостоянию с меньшими издержками человеческого капитала.

Однако обмен товарами, устойчивые хозяйственные связи и другие отношения, которые устанавливались между сторонами, прорываясь через все препоны, прежде всего, благодаря культурной активности со стороны империи, самому способу и образу жизни её представителей с неизбежностью способствовали взаимодействию культур.

В межкультурных связях в пространствах имперских периферий участвовали большие и малые народы. Все более крупные и более организованные этнические сообщества имели больше средств и возможностей оказывать влияние на все процессы взаимодействия между сторонами, реализуясь в концептах культуры донора и культуры реципиента. В этих контактах происходил обмен смыслами и ценностями, как материального, так и духовного свойства, обменивались предметами и результатами труда, хозяйственными и экзистенциальными технологиями. При этом сами процедуры обмена могли иметь форму как добровольной и мирной заинтересованности, так и принудительной обязанности [2].

Под влиянием культуры-доминанта культура-реципиент в жестких условиях модального должностования могла переживать процессы стагнации и роста имманентной напряженности, которая могла врываться в процесс межкультурной коммуникации разнородными эксцессами и аномиями. На Кавказе столкновение более динамической культуры империи с архаической по типу культурой горцев, не готовой в сжатые сроки быстрыми темпами освоить предлагаемые империей социокультурные инновации, стала одной из причин такого явления как мухаджирство.

С другой стороны, распространение удобных для работы орудий труда, одежды, оружия, современных технологий, новых оценочных критериев повседневного поведения людей, взятых из инокультурного опыта, сами по себе не могли быть позитивными или негативными, пока не проявлялось, какое воздействие оказали те или иные заимствования на глубинные качества этнических современников, насколько они способствовали адаптации к изменившимся условиям существования и способствовали развитию позитивному социокультурному творчеству.

Таким образом, следует отметить, что российский имперский подход социокультурного освоения полиэтнических периферийных пространств, имел разнообразные по форме и содержанию инструментальные и институциональные образцы. Наиболее важными и действенными из которых были: надэтничность, отсутствие ксенофобии, соучастие в общем проекте, доверие к местным элитам, которым вручалось не только право на власть в их этнических территориях, но они в равной степени со всеми иными соучастниками реализации имперского проекта они были ответственны за его успех.

Важной составляющей в преобразовательной деятельности Российской империи на её окраинах оставалась её социально-культурная парадигма и имперский образ жизни. Открытость и направленность навстречу любой этнической локальности, в конце концов взрывали почти все существовавшие препоны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. – Тифлис, 1885. – Т. 10. – 938 с. – Текст : непосредственный.
2. Арутюнов, С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. – М. : Наука, 1989. – 247 с. – Текст : непосредственный.
3. Блаرامберг, И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / И. Бларамберг ; пер. с фр., предисл. и коммент. И. М. Назаровой. – М. : Изд. Надыршин, 2010. – 400 с. – Текст : непосредственный.
4. Блиев, М. М. Россия и горы Большого Кавказа. На пути к цивилизации / М. М. Блиев. – М. : Мысль, 2004. – 877 с. – Текст : непосредственный.
5. Ванюков, Д. А. Имперские проекты / Д. А. Ванюков, И. И. Кузнецов, Д. В. Самсонов. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2010. – 416 с. – Текст : непосредственный.
6. Гордин, Я. А. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность / Я. А. Гордин. – СПб. : Звезда, 2008. – 288 с. – Текст : непосредственный.
7. Гумилев, Л. Н. Этнос и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М. : Рольф, 2001. – 560 с. – Текст : непосредственный.
8. Ерасов, Б. С. Выбор России в европейском пространстве / Б. С. Ерасов. – Текст : непосредственный // Цивилизации и культуры. – Вып. 1. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1994. – С. 30–60.
9. Каждан, А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII веков / А. П. Каждан. – СПб. : Алетей, 2017. – 236 с. – Текст : непосредственный.
10. Лазарян, С. С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. / С. С. Лазарян. – Пятигорск : ПГЛУ, 2012. – 323 с. – Текст : непосредственный.
11. Лапин, В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. / В. В. Лапин. – СПб. : Европейский Дом, 2008. – 400 с. – Текст : непосредственный.
12. Мюнклер, Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / Г. Мюнклер ; пер. с нем. Л. В. Ланника. – М. : Кучково поле, 2015. – 400 с. – Текст : непосредственный.
13. Рубакин, Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Суринов А.Е. Сто лет спустя / Н. А. Рубакин. – М. : Изд-во РАГС, 2009. – 310 с. – Текст : непосредственный.
14. Суни, Р. Г. Империя как таковая: Имперская Россия, «национальная» идентичность и теория империи / Р. Г. Суни. – Текст : непосредственный // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина ; пер. с англ. В. И. Мотузовой. – М. : РОССПЭН, 2011. – С. 31–87.
15. Торнау, Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера / Ф. Ф. Торнау. – М. : АИРО-XXI, 2017. – 448 с. – Текст : непосредственный.
16. Уралов, С. Миропорядок по-русски / С. Уралов. – СПб. : Питер, 2018. – 320 с. – Текст : непосредственный.
17. Уэллс, Г. Дж. Краткая всемирная история / Г. Дж. Уэллс. – СПб. : Амфора, 2005. – 350 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Akty, sobrannye Kavazskoy arheograficheskoy komissiei [Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1885, vol. 10. 938 p.
2. Arutyunov S.A. Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodejstvie [Peoples and Cultures: Development and Interaction]. M., Nauka, 1989. 247 p.

3. Blaramberg I. Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, jetnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [Historical, Topographic, Statistical, Ethnographic and Military Description of the Caucasus]. M., Publishing House Nadyrshin, 2010. 400 p.
4. Bliiev M.M. Rossiya i gortsy Bol'shogo Kavkaza. Na puti k civilizacii [Russia and the Gortsy of the Greater Caucasus. Towards Civilization]. M., Mysl, 2004. 877 p.
5. Vanyukov D.A., Kuznetsov I.I., Samsonov D.V. Imperskie proekty [Imperial Projects]. M.: Book Club Knigovek, 2010. 416 p.
6. Gordin Ya.A. Zachem Rossii nuzhen byl Kavkaz? Illjuzii i real'nost' [Why did Russia Need the Caucasus? Illusions and Reality]. SPb., LLCJournal "Zvezda", 2008. 288 p.
7. Gumilev L.N. Etnos i biosfera Zemli [Ethnicity and the Biosphere of the Earth]. M., Rolf, 2001. 560 p.
8. Erasov B.S. Russia's choice in the European space. Civilizacii i kul'tury = Civilizations and Cultures, 1994, No. 1, pp. 30–60. (In Russian).
9. Kazhdan A. P. Socialnyy sostav gosподstvujushhego klassa Vizantii XI–XII vekov [The social Composition of the Ruling Class of Byzantium in the XI–XII Centuries]. SPb., Aleteya, 2017. 236 p.
10. Lazaryan S.S. Voенно-politicheskaja i administrativno-pravovaja dejatel'nost' knjazja Voroncova v Kavkazskom krae. 1845–1854 gg. [Military-Political and Administrative-Legal Activities of Prince M.S.Vorontsov in the Caucasian Region. 1845–1854]. Pyatigorsk, PSLU, 2012. 236 p.
11. Lapin V.V. Armija Rossii v Kavkazskoy vojne XVIII-XIX vv. [The Russian Army in the Caucasian War of the 18th–19th Centuries]. SPb., Evropejskiy Dom, 2008, 400 p.
12. Munkler G. Imperii. Logika gosподstva nad mirom: ot Drevnego Rima do SShA [Empires. The Logic of World Domination: From Ancient Rome to the USA]. M., Kuchkovo pole, 2015. 400 p.
13. Rubakin N.A. Rossiya v cifrah. Strana. Narod. Soslovija. Klassy [Russia in Numbers. The Country. People. Estates. Classes]. Surinov A. E. Sto let spustya [After a Hundred Years]. M., RAGS, 2009. 310 p.
14. Suni R.G. Imperiya kak takovaya: Imperskaya Rossiya, "nacional'naya" identichnost' i teorija imperii. Gosudarstvo nacy: imperiya i nacional'noe stroitel'stvo v epohu Lenina i Stalina = State of Nations: Empire and Nation-Building in the Era of Lenin and Stalin, 2011, pp. 31–87. (In Russian).
15. Tornau F.F. Vospominaniya kavkazskogo oficera [Memories of a Caucasian Officer]. M., AIRO-XXI, 2017. 448 p.
16. Uralov S. Miroporyadok po-russki [World Order in the Russian Way]. SPb., Piter, 2018. 320 p.
17. Wells H. G. Kratkaya vseмирnaya istoriya [A Short History of the World]. SPb., Amfora, 2005. 350 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гурова, Е. А. Россия во взаимодействиях с пространствами имперских фронтиров / Е. А. Гурова, О. Г. Карапкина // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4. – С. 82–91.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gurova E. A., Karapkova O. G. Russia in the Interaction With Empire Frontier Areas / E. A. Gurova, O.G. Karapkova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 4, pp. 82–91. (In Russian).